

## Еще не сговор...

Отпраздновав Новый год, отец вечером 1 января отправляется на пару дней в Польшу отдохнуть и поохотиться вместе с «другом» Веславом Гомулкой и «другом» Юзефом Циранкевичем, а заодно еще раз прощупать, как они посмотрят, если мы выведем свои войска из Польши. К этой мысли отец возвращался неоднократно, содержание одной дивизии за границей обходилось дороже, чем целой армии на собственной территории. Гомулка в Варшаве сидел крепко, в его преданности отец за прошедшие годы имел возможность убедиться не раз. К тому же отец искренне считал, что наши союзники должны держаться у власти не за счет советских штыков, а опираться на поддержку собственного народа. После 1957 года разговор на эту тему отец заводил неоднократно, но с выводом войск согласились и даже обрадовались одни румыны. Кадар же с Гомулкой убедили отца не торопиться, советские войска им никаких хлопот не доставляют. Отец про себя усмехался, расчетливые поляки и не менее умевшие считать собственные деньги венгры не хотели лишаться дохода от присутствия на их территории советских войск.

Наши военные и слышать не хотели ни о каком выводе войск, доказывали, что такой шаг сильно подорвет обороноспособность стран Варшавского договора.

Отец не настаивал, с 1957 года присутствие советских военных формирований в Германии, Венгрии и Польше и так постоянно сокращалось. К 1964 году их количество уменьшилось более чем наполовину.

Поохотились они с Гомулкой на славу, а вот разговора не получилось. Друг Веслав мило улыбался, шутил, но согласия на вывод советских войск не давал, собственный бюджет его беспокоил больше соседского. Отец решил не настаивать, те 18 миллионов рублей, которые мы сэкономим с выводом оставшихся дивизий, для поляков значат больше, чем для нас. Хорошие отношения с союзниками стоят денег.

Вечером 5 января они все вместе переехали из Польши в Беловежскую пушу, поохотились и там, а уже утром 7 января отец поездом возвратился в Москву.

Вместе с отцом в Польшу съездил Кирилл Трофимович Мазуров, первый секретарь Белорусской компартии. Отец любил «поохотиться» вместе с перспективным человеком с периферии, поговорить в неформальной обстановке, за столом, на прогулке, понять, чем он дышит, чего от него можно ожидать. К Мазурову он приглядывался давно – относительно молодой, в апреле 1964 года ему исполнится всего пятьдесят, в войну командовал батальоном, потом в партизанах, с 1942 года секретарь подпольного ЦК комсомола Белоруссии. В 1956 году отец предложил Мазурову, тогда сорокадвухлетнему председателю правительства республики, возглавить Белорусское ЦК.

Мазуров отцу нравился и тем, что он, в отличие Брежнева, Подгорного или Полянского, всегда имел свое мнение, свободно его высказывал, держался независимо, спорил на равных.

В коллективном руководстве, так называли Президиум ЦК, с «Первым» можно спорить, критиковать его, даже вышучивать, но не соперничать. Коллективное руководство остается коллективным, но до тех пор, пока члены коллектива не покушаются на власть вожака. В любом иерархическом сообществе, от львиной стаи до Президиума ЦК, соперника, как он только становится опасным, нещадно изгоняют, или он сам изгоняет ослабевшего, более не способного защитить себя состарившегося лидера.

В обществе, где время пребывания у власти ограничено строгими рамками закона, подобной конкуренции не возникает, соперник знает: через столько-то лет произойдут пере-выборы и, если повезет, придет и его черед. Именно такие правила наследования власти, без заговоров и переворотов, отец прописывал в новой Конституции.

Пока же спор с «Первым», вне зависимости от темы, таил в себе опасность. Он уверен в своей правоте, вы в своей, но он «Первый», а вы – нет. Если дело заходит слишком далеко, одному приходится уходить. Тут и при централизованном единоначалии, и при демократии правила одинаковы, старший увольняет младшего. И уж если до этого дошло, то последнее дело останавливаться на полдороги.

Я однажды оказался поблизости при одной из размолвок отца с Мазуровым, тоже на охоте, в Беловежской пуше. Там тогда отдыхали отец с Подгорным, к ним наезжали в гости то Янош Кадар, то Гомулка с Циранкевичем и, естественно, Мазуров. Охотились, гуляли, разговаривали. Помню, в последний день отдыха, проводив всех гостей, отец с Мазуровым отправились на прогулку вдвоем, если не считать меня. О чем они конкретно говорили, я уже забыл, помню только, что сказанное Мазуровым отцу не понравилось, и он стал поправлять его. Мазуров, в свою очередь, возразил отцу, они заспорили, перешли на повышенные тона. Отец с гостем расстались недовольные друг другом.

Каково же было мое удивление, когда по возвращении в Москву, прямо на Белорусском вокзале отец вдруг стал говорить встречавшим его членам Президиума ЦК, что Мазуров не на своем месте, они накануне долго говорили и предложения его не выдерживают критики. Надо думать о его замене. Возражений не последовало. Прошла неделя, отец остыл, еще раз обдумал разговор, и все обошлось без последствий.

Как я выяснил позже, основным источником разногласий отца с Мазуровым тогда стала стратегия инвестиций в сельское хозяйство Белоруссии. Мазуров настаивал на широкомасштабном осушении болот, превращении их в сельскохозяйственные угодья. Весной 1963 года он даже направил в Президиум ЦК соответствующую записку. Отец посчитал прокладку ирригационных каналов для отвода воды делом не приоритетным. Ирригация требовала больших затрат, по его мнению, рациональнее удобрить уже существующие поля, прирост урожая получится больше и обойдется дешевле. Записку Мазурова раскритиковали, отец назвал его предложения «неразумными, рваческими» и распорядился вернуть автору «на доработку». Но Мазуров продолжал настаивать, попросился к отцу на прием. В результате злосчастную записку возвращать не стали, но и мелиорацию болот разрешили вести в очень ограниченных масштабах.

Несмотря на эту историю, отец в Мазурове не разочаровался и теперь, когда он все чаще возвращался к мысли о грядущем уходе с поста главы партии и государства, не сейчас, но в обозримом будущем, омоложение состава Президиума ЦК заботило его все больше. На сей раз разговор с Мазуровым опять прошел не гладко, отец, как и в 1963 году, посчитал, что Мазуров старается урвать у Москвы для Белоруссии побольше, а отдать поменьше. Настроения для республиканского секретаря естественные, но он переходит все границы.

Таким образом, разговора о переводе Мазурова в центр не получилось, более того, сразу по возвращении в Москву, 10 января 1964 года, отец вновь заговорил о необходимости подыскать Мазурову замену. Как и раньше, все разговором и ограничилось, снимать Мазурова с должности отец так и не собрался, не за что, но его слова оставили у Мазурова неприятный осадок. После этого он больше не числился в сторонниках Первого секретаря.

Еще один аналогичный случай. 21 июня 1963 года Пленум ЦК КПСС избрал Подгорного одним из своих секретарей, ему предстоял переезд в Москву, и освобождалось кресло руководителя компартии Украины, согласно тогдашней таблицы о рангах, потенциального члена Президиума ЦК. Все считали, что это место займет Владимир Васильевич Щербицкий. Он с 1961 года руководил Правительством Украины, его уже избрали кандидатом в члены Президиума ЦК. Претендовал на кресло Первого и Иван Павлович Казанец, он уже давно ходил во вторых секретарях Украинского ЦК.

И вдруг происходит невероятное. В июне 1963 года Щербицкого отправляют секретарем обкома в Днепропетровск, на освободившееся место главы республиканского правительства сажают Казанца, а Первым на Украине становится Петр Ефимович Шелест, до того просто секретарь ЦК по промышленности, фигура по всем параметрам явно «непроходная». 13 декабря 1963 года Пленум ЦК выводит Щербицкого из кандидатов в члены Президиума и на его место избирает Шелеста. Всю эту интригу блестяще разыграл Подгорный.

Отец Шелеста близко не знал, а вот с Подгорным они вместе работали в Киеве с начала 50-х годов. Подгорный – второй, а затем первый секретарь Украинского ЦК продвигал Шелеста со ступеньки на ступеньку иерархической лестницы: первый секретарь Киевского горкома, потом обкома, затем секретарь местного ЦК по промышленности. После переезда в Москву Подгорный стал быстро входить в силу, на очередных Октябрьских торжествах, 6 ноября 1963 года, именно он делал традиционный доклад. А это свидетельствовало о многом. Теперь он сколачивал свою команду.

Истинной причины снятия Щербицкого мы не знали. Судачили, что Хрущев остался недоволен докладом о состоянии дел в народном хозяйстве Украины. Чиновная Москва решением отца осталась недовольна. Щербицкий слыл хорошим хозяйственником, умелым руководителем и вообще человеком разумным. В его отставке винили отца: стоило человеку один раз оступиться – и сразу такая немилость. Но это всё круги на воде.

Подоплека закулисной игры проявилась только после отстранения отца. За спиной Щербицкого стоял Брежнев, оба они днепропетровцы, вместе с 1946 года. Брежнев и про-

толкнул Щербицкого на пост главы Украинского правительства. Брежнев, в порядке исключения, принимая во внимание важность Украины, уговорил отца избрать Щербицкого кандидатом в члены Президиума ЦК и тем самым не просто вывел его из-под республиканского ЦК, но поставил почти вровень с Подгорным.

Подгорный и Шелест дружно ненавидели Щербицкого, который постоянно проявлял строптивость, принимал решения в обход местного ЦК, игнорируя самого Подгорного, замыкался напрямую на Москву, на Брежнева. Своего «куратора» Шелеста, секретаря ЦК по промышленности, Щербицкий вообще ни во что не ставил.

В результате Подгорный переиграл Брежнева, «подставил» Щербицкого с его «несчастливым» докладом, а потом исподволь убедил отца «задвинуть» его обратно в Днепропетровск. Однако победа оказалась пирровой. В октябре 1965 года Брежнев вернет Щербицкому пост главы правительства Украины и сделает кандидатом в Президиум ЦК. В сентябре 1971 года он – полноправный, наравне с Шелестом, член Президиума, а в мае 1972 года Брежнев уберет Шелеста с Украины. Первым секретарем Украинского ЦК станет Щербицкий, теперь уже «навечно», почти до самого конца советской власти. Шелеста же вместе с Подгорным отправят на пенсию. Вот такая интрига.

Мазуров, Щербицкий, секретари обкомов, которым отец бросал в лицо упреки в неспособности руководить своими областями, один, другой, третий, десятый, двадцатый – все они оказывались «обиженными» Хрущевым и одновременно оставались членами ЦК, от голосов которых зависела его собственная судьба. Организованной оппозиции они пока не представляли, судачили по углам, осторожно поругивали отца, и не более того. Но это пока...

Тем временем, в январе 1964 года «Нью-Йорк Таймс» печатает очередное сообщение о скорой отставке Хрущева. На следующий день отец читает перевод корреспонденции, но внимания на эту заметку не обращает. Американцы прочили ему отставку с 1953 года.

## День за днем

16 января 1964 года последний агрегат Братской ГЭС дал ток. Одновременно в Братске заканчивается строительство крупнейшего в стране комплекса по производству алюминия.

В тот же день газеты сообщают об окончании строительства первой очереди газопровода Бухара – Урал.

В январе 1964 года Советский Союз совместно с Финляндией строит пограничную Верхне-Туломскую ГЭС. Рядом сооружают пограничный канал общего использования.

13 января 1964 года в Москву прилетает Фидель Кастро. В отличие от прошлогоднего майского визита, на сей раз не столько по делам, сколько отдохнуть. Прошлой весной отец заинтриговал его рассказами о прелестях русской зимы. 17 января, закончив переговоры, отец везет Кастро на зимнюю охоту в Завидово. По просьбе гостя его снимают кинооператоры на память. Сейчас кадры той «царской охоты» часто демонстрируются и у нас. 22 января они вместе уезжают в Киев, откуда на следующий день гость улетает домой, а отец садится за подготовку к назначенному на 10 февраля 1964 года Пленуму ЦК, посвященному интенсификации сельского хозяйства. По замыслу отца, на этом Пленуме они завершат оформление нового курса в аграрной политике страны.

Перед возвращением в Москву, 30 января 1964 года, отец едет на строительство Киевской ГЭС. Чтобы уменьшить затраты на сооружение

ГЭС, «гидрики» решили перейти на блочное строительство. Так плотины еще никто не строил. В качестве экспериментальной выбрали Киевскую ГЭС, не самую большую и с малым напором воды. Плотину разделили на секции, в каждой по четыре гидроагрегата. Работу вели на потоке, собирая с помощью передвижных монтажных кранов сборные железобетонные конструкции от секции к секции.

Рядом с традиционной ГЭС строили еще одну, тоже экспериментальную, гидроаккумулирующую электростанцию. Ночью, когда спрос на электроэнергию падал, ее насосы перекачивали воду в водохранилище, а днем эта же вода начинала крутить электроагрегаты, вырабатывала электричество. И так изо дня в день, из ночи в ночь. Нечего и говорить, что отец не мог упустить возможности осмотреть обе Киевские ГЭС.

Оттуда он едет на Киевскую овощную фабрику, самое старое в городе тепличное хозяйство, его закладывали еще при нем, в конце 1940-х годов. Отец осматривает теплицы и агитирует киевлян переходить на гидропонику: работа чище и урожаи больше. Тем же вечером он поездом уезжает в Москву.

27 января 1964 года Ильичев проводит в ЦК совещание о новом гимне. Текст пишут поэты: москвичи Александр Твардовский, Николай Грибачев и Сергей Васильевич Смирнов, белорус Петрусь Бровка. Ни один из представленных вариантов собравшихся не устраивает, они решают продолжить работу.

29 января Председатель КГБ Семичастный отправляет отцу любопытную записку «Об обстановке в среде творческой интеллигенции».

Что же привлекло внимание «органов»?

«Геннадий Шпаликов, признавая справедливым замечания к фильму “Застава Ильича”, заявляет: “Я считаю свой новый сценарий фильма «Я шагаю по Москве» первым ответом на критику...”

...Прозаик Анатолий Гладилин: “Современная советская проза деградирует, поэтому образцом для подражания молодежь должна избрать не нашу, а зарубежную классику”.

...Определенную тревогу вызывает поведение поэта Евгений Евтушенко... Основной его заботой, как это вытекает из имеющихся материалов, является стремление всеми силами восстановить свою былую популярность. С этой целью он выступает с неопубликованными, политически двусмысленными стихами, такими, как “Русская игрушка”, “Баллада о штрафном батальоне”, “Подранок” (прилагаются). На приеме в посольстве США по случаю пребывания в СССР американского писателя Джона Стейнбека Евтушенко вел себя развязно...

...Кинорежиссер Андрей Тарковский: “Искусство делать сейчас трудно, как никогда, по-старому, как при культе личности, уже делать нельзя, а по-новому не дают, боятся”.

...С другой стороны, поэт Андрей Вознесенский говорит: “После совещания с руководителями партии я длительное время был вообще растерян. Хотелось сделать лучше, но получалось наоборот. Многое пришлось передумать... Год был для меня трудным, но плодотворным. Я имею в виду не только опубликованное, но и то, что пишу... Теперь я задумал написать киносценарий о Ленине”».

В записке еще много цитат, я отобрал самые любопытные.

У отца сообщение Семичастного интереса не вызвало. Его помощник Шуйский, почти через месяц после получения записки, написал на документе: «Тов. Хрущеву доложено. Ознакомить секретарей ЦК. 25 февраля 1964 года». После ознакомления его отправили в архив.

Январские газеты сообщают о запуске «шелковой технологии» на Красноярском заводе химического волокна.

1 февраля 1964 года отец вместе с другими членами Президиума ЦК в Кремлевском дворце съездов слушает оперу Джузеппе Верди «Отелло» в исполнении белорусских артистов.